

$$\frac{\text{Национализм}}{\text{Нация}} = \frac{\text{Коллективное действие}}{\text{Пустое означающее}}$$

При обсуждении вопросов нации и национализма всегда есть риск остаться непонятым просто в силу того, что эти понятия и в теории, и обыденном употреблении оказываются далеко не невинными и нейтральными, но «спорными по своей сути». При этом всякое, даже предварительное, определение влечет за собой серьезные, не только теоретические, но и политические последствия. И все же очевидно, что без введения подобного определения диалог грозит обернуться монологом, поскольку его предмет, при всей его кажущейся интуитивной понятности для участников, не будет очерчен даже в самом общем виде.

В качестве одного из вариантов такого предварительного определения можно предложить следующее: *национализм – это коллективное действие, направленное на производство и воспроизводство особого общественного блага – национального суверенитета*. Традиционное для теории рационального выбора понимание коллективного действия здесь следует дополнить еще одним очень важным для националистов видом коллективного действия – серьезными речевыми актами, образующими националистический дискурс и определяющими содержание национального суверенитета. Как и любое другое коллективное действие, националистическое коллективное действие характеризуется сравнительной редкостью, то есть совершается реже, чем могло бы, несмотря на наличие необходимых для его совершения «объективных условий», и обладает объясняющей его логикой, точнее, даже двумя.

Первая логика преобладает в коллективном действии, направленном на достижение или производство национального суверенитета. Она сопряжена с преодолением классической проблемы «безбилетника», то есть неготовностью индивида принять участие в коллективном действии, несмотря на заинтересованность в его результате, из-за высоких издержек, связанных с участием в этом действии, слишком небольшой ожидаемой выгоды и понимания того, что эта выгода все равно будет получена в случае, если коллективное действие все же окажется успешным, вследствие самой природы общественного блага (неделимость, неисключаемость, неконкурентность). Проблема «безбилетника» традиционно решается при помощи избирательных

стимулов — поощрения или наказания, — которые могут быть обеспечены только извне средствами социального контроля или националистическими организациями, создаваемыми националистическими предпринимателями.¹ Проблемой «безбилетника» объясняется преобладание в националистических организациях молодежи и интеллектуалов, для которых больше важна символическая, а не материальная выгода или польза.

Вторая логика преобладает в коллективном действии, направленном на сохранение или воспроизводство национального суверенитета. Она сопряжена с решением сравнительно простой проблемы координации, когда издержки от участия в коллективном действии настолько невелики, что они даже не принимаются в расчет. В этом случае проблемой является принятие решения о том, каким именно образом будет совершаться коллективное действие, и такое решение всегда содержит в себе существенный элемент случайности и произвольности. Шведский антрополог Андреас Линде-Лаурсен описывает возникновение различных способов мытья посуды в Швеции и Дании, считавшихся важной социально-гигиенической практикой. С 1930-х годов они всерьез обсуждались на общенациональном уровне (ни один аспект этого занятия не остался нерассмотренным: последовательность и необходимая продолжительность процедуры, цена и качество моющих средств и щеток, размер раковин и сливных отверстий и т. д.) и окончательно сформировались к началу 1950-х годов. И в Швеции, и в Дании эксперты обосновывали правильность избранного способа с точки зрения экономии, эргономии и эффективности (времени/производительности), но неспособны были объяснить различия в соответствующих национальных практиках. Как отмечает Линде-Лаурсен, «в этом случае транснациональная проблема — *общественное здоровье* или *гигиена* — и ее обсуждение как вопроса о роли домохозяйек в поддержании *чистоты* в доме привело к новому выражению национального своеобразия вдоль шведско-датской границы».²

Часто национализм ассоциируется только первой логикой (борьбой националистов за создание нового государства) и проецируется на других. Принято считать, что после создания нации национализм не исчезает окончательно, но и становится чем-то экстраординарным и иррациональным. В то же самое время, существование «национальной идентичности» воспринимается как нечто естественное. Однако такая «идентичность» не может существовать сама по себе; она воспроизводится при помощи второй логики националистического коллективного действия, которая, как правило, остается незамеченной. Различие между этими двумя логиками в целом соответствует проводимо-

¹ Эта логика продолжает действовать и после достижения национального суверенитета. Она играет важную роль в его воспроизводстве, но перестает быть преобладающей. В качестве примера успешного действия такой логики в национальном государстве можно привести сцену из мюзикла «Это армия» (реж. Майкл Кертиц, 1943). В ней сержант американской армии спрашивает новобранца: «Сынок, как ты оказался в армии?» Тот начинает перечислять причины: «Во-первых, я хочу помочь; во-вторых, я — патриот; в-третьих, *меня заставили*». Несмотря на осознание желательности и даже необходимости участия в коллективном действии, индивид предпочтет от него уклониться в том случае, если он не будет видеть в нем особой выгоды для себя лично или если к нему не будут применены средства принуждения.

² Andreas Linde-Laursen. *Small Differences — Large Issues: The Making and Remaking of a National Border* // V. Y. Mudimbe (ed.) *Nations, Identities, Cultures*. Duke: Duke University Press, 1997. P. 157.

му Майклом Биллигом различию между «горячим» и «банальным» национализмом.³ Первая логика объясняет, почему количество сторонников «горячего» национализма, как правило, бывает невелико. Очевидно, что решающее значение имеет переход от первоначального «горячего» национализма к последующему «банальному», установление националистической гегемонии, закрепление представления о нации в «здоровом смысле». И этот переход произошел сравнительно недавно: под воздействием идеологических аппаратов государства — прежде всего, школы, но также и военной службы — массовая нация сложилась к началу XX века (ранее наиболее распространенными были локальные и религиозные идентификации). Современная «нация» состоит из националистов — индивидов, которые верят в существование нации, идентифицируют себя с ней и принимают участие в соответствующих коллективных действиях, — «горячих» и «банальных».

Под «национальным суверенитетом» в приведенном выше определении национализма понимается самостоятельное определение «нацией» собственной судьбы. Со времен Великой французской революции в конституционном и международном праве утвердилось представление о нации как источнике всякой власти, дополитической основе государства. В этом юридическом воображении, пронизанном национализмом, нация представляет собой общественный договор особого рода, который, согласно Берку, «заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями».⁴

Расширенная трактовка националистических коллективных действий как речевых актов делает возможным введение понятия националистического дискурса. Высказывания националистов о нации носят не дескриптивный, а перформативный характер, и в этом смысле они не являются ни истинными, ни ложными, поскольку содержание таких высказываний считается чем-то очевидным и не требующим доказательства. Собственно, нация начинает существовать, когда националисты заявляют о ее существовании и о своей принадлежности к ней; они создают ее своими высказываниями.

Национализм — необычная идеология, отличающаяся от всех остальных идеологий своей теоретической бедностью. Сравнение национализма с другими идеологиями (либерализмом, консерватизмом, социализмом) всегда оказывается не в его пользу, так как он не способен дать самостоятельного ответа ни на один ключевой вопрос социальной жизни. Но такое сравнение само по себе не имеет большого смысла, потому что национализм, в отличие от других идеологий, выполняет иные задачи, связанные, прежде всего, с обоснованием гегемонии особой формы воображения общества — нации.

Подобная бедность национализма объясняется тем, что гегемония означающего «нации» возможна только при условии его опустошения: в основе националистического дискурса лежит относительная пустота его главного означающего — «нации». Исторически такая пустота была необходима для образования широкой цепочки эквивалентностей между различными силами, участвовавшими в националистических движениях, которые стави-

³ См.: Биллинг М. *Нации и языки* // Логос. 2005. № 4. С. 44–70.

⁴ Берк Э. *Размышления о революции во Франции*. М., 1993. С. 90.

ли перед собой целью достижение национального суверенитета взамен суверенитета абсолютных монархов или колониальных властей. Условием успешной борьбы со «старым режимом» во Франции было объединение различных направлений борьбы — от салонных интеллектуалов, ремесленников, торговцев и прочих представителей «третьего сословия» до городских низов, — преследующих свои различные интересы. Цепочка эквивалентностей между ними была создана на основании пустого означающего «нации», не связанного непосредственно с интересами какой-то отдельной группы, участвовавшей в этой борьбе.

Но после установления гегемонии самого означающего «нации» на смену логики эквивалентностей приходит логика различия: происходит частичное разрушение созданной ранее цепочки эквивалентностей и между различными политическими силами начинается борьба за установление своей гегемонии над содержанием этого означающего. Суть этой борьбы в конечном итоге сводится к тому, какое определение нации станет считаться само собой разумеющимся, банальным. Поэтому никакого национализма в чистом виде не существует: существует множество вариантов артикуляции означающего «нации» с другими, принимающими идеологиями — консерватизмом, либерализмом, социализмом.

Нация — это слишком важное политическое означающее, и отказ от борьбы за него автоматически означает проигрыш в этой борьбе. Например, когда во второй половине 1980-х годов американские демократы прекратили борьбу за означающее «нации», широко использовавшееся в 1960-х годах в борьбе за предоставление гражданских прав чернокожему населению, этим означающим сразу же завладело правое «моральное большинство» и республиканцы. Основным негативным последствием этого стала стремительная «интимизация» публичной сферы — она была заполнена спорами о порнографии,⁵ абортах, (гомо) сексуальности и семейных ценностях, а обсуждение действительно важных экономических, социальных и расовых проблем было вытеснено на периферию.⁶

Современные «горячие» националисты стремятся по-своему переопределить содержание «нации», как правило, в духе аскриптивной фиктивной этничности. И часто они добиваются в этом заметных успехов. Подобные определения нации начинают применяться в дискурсе средств массовой информации и даже интеллектуалов как самоочевидные. Например, Олег Кильдюшов описывает русскоязычное население Прибалтики, страдающее от крайне исключаяющей и дискриминационной государственной политики, как «наших соотечественников». Можно понять, когда такое описание используется русскоязычными этническими предпринимателями, проживающими в Прибалтике и пытающимися при поддержке российских властей добиться, наконец, гражданского статуса, и националистическими предпринима-

⁵ Примечательно, что в этом вопросе некоторые феминистки, в частности Андреа Дворкин, нередко находили точки соприкосновения с правыми, которые на практике занялись осуществлением классического феминистского лозунга «личное — это политическое». Этот пример артикуляции столь различных сил сам по себе заслуживает отдельного рассмотрения.

⁶ См. об этом: Lauren Berlant. *The Queen of America Goes to Washington City: Essays on Sex and Citizenship*. Durham: Duke University Press, 1997.

телями, стремящимися заработать политический капитал в России. Вопрос в том, стоит ли интеллектуалам соглашаться с подобными описаниями. На мой взгляд, этого не следует делать хотя бы потому, что, несмотря на существование национализма больших расстояний и национализма диаспор, неясно, насколько русскоязычное население в Прибалтике связывает свое будущее с Россией, а не с Европейским Союзом.

Но нельзя не согласиться с тезисом Кильдюшова о парадоксальном статусе современных «горячих» националистов, причем не только российских, но и европейских. Они в превращенном виде и смещенным образом обнаруживают существование *действительных* и нерешенных проблем, только не «национальных», а социальных — и, прежде всего, проблем неравенства и миграции. Современный «горячий» национализм (и антинационализм)⁷ сверхдетерминирован *социальным* или *классовым* (в трактовке класса, предложенной Юли Тамир) антагонизмом, который не проявляется напрямую. Косвенным признанием этого стало включение в текст — но не в название — недавно принятого «Соглашения о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни» (так называемого «Антифашистского пакта») тезиса о необходимости противодействия «*социальной* розни». Вместо осмысления политических, социальных и экономических причин возрождения «горячего» национализма современные российские политические партии и СМИ предпочитают просто объявить его проявлением иррационального «фашизма». Это позволяет избежать неудобных вопросов об ответственности нынешнего политического истеблишмента за возникновение такой ситуации. Отсюда моральное осуждение, создание молодежных «антифашистских» движений, произвольно относящих к «фашистам» представителей противоположных политических лагерей, и призывы к объединению всех демократических сил для борьбы с силами «зла».⁸ В такой обстановке все, кто не заявляет о безусловной поддержке Пакта или сомневается в целесообразности проведения жестких символических границ, могут вызвать подозрения в сочувствии «фашизму». Поэтому выбор между «горячими» националистами и антинационалистами — это ложный выбор и оба из этих уклонов нехороши.

Но я не уверен, что обращение к русской политической мысли начала XX века является единственным или даже наиболее предпочтительным выхо-

⁷ Проблемам «анти» движений и функционального воспроизводства отрицаемого явления вследствие самого его отрицания посвящено блестящее эссе Владимира Малахова «Ловушка антирасизма» в кн.: Малахов В. *Скромное обаяние расизма и другие статьи*. М., 2001. С. 167–171.

⁸ Конечно, программа «горячих» националистов, например, партии «Родина», против которой, в частности, и направлен указанный «Антифашистский пакт», — это программа поражения. Во-первых, потому, что она ничего не решит, а во-вторых, потому, что она не может быть выполнена. Об этом свидетельствует судьба правых популистских партий в Западной Европе. На выборах 1999 года австрийская Партия свободы Йорга Хайдера добилась ошеломительного успеха, сумев завоевать чуть менее 27% голосов избирателей. Однако на выборах 2004 года число голосов, отданных за нее, резко сократилось до 6,7%. Причиной такого провала стала неспособность партии, выступавшей с риторикой противостояния власти, после долгожданного прихода к ней что-либо изменить. В российской политика похожей была судьба популистской ЛДПР, которая, однажды пройдя в парламент на волне умеренно националистических настроений, прекрасно освоилась с правилами политической игры и превратилась в приносящее стабильный доход политическое предприятие.

дом из сегодняшнего тупика. Даже параллель, проводимая Олегом Кильдюшовым между Струве и Чубайсом, кажется не вполне убедительной: ведь «либеральная империя» Чубайса предполагает получение выгод исключительно российским *бизнесом* при поддержке российского государства за счет экономической экспансии в сопредельные страны. Сложно понять, зачем нужна такая империя людям, не связанным с бизнесом, который участвует в этой экспансии.

Возможно, более полезным было бы обращение к действительной политической практике прошлого, рассмотрение того, каким образом и с какими целями означавшее «нация» осваивалось и использовалось различными политическими силами в политической борьбе. Такой исторический подход позволил бы интеллектуалам узнать много нового о нациях и национализме и сделал бы их менее восприимчивыми к риторике современных «горячих» националистов.

В этом отношении показателен пример Великобритании середины XIX века. Тогда крупнейший консервативный политик Бенджамин Дизраэли заявил о существовании в Британии «двух наций».⁹ Эта идея была изложена в ключевом диалоге его романа «Сибилла, или Две нации» (1845):

— У нас новая королева, — сказал Эгрмонт, — может быть, это ознаменует начало новой эры.

— Думаю, что так, — сказал молодой незнакомец.

— Надеюсь, что так, — сказал пожилой незнакомец.

— Может быть, наше общество еще не вышло из младенчества, — сказал Эгрмонт, — но, что бы вы ни говорили, а наша королева правит одной из величайших в мире наций.

— Которую нацию вы имеете в виду? — спросил молодой незнакомец. — Ведь она правит двумя.

Незнакомец секунду помолчал; Эгрмонт ничего не говорил, но глядел на него вопрошающим взглядом.

— Да, — продолжал молодой незнакомец. — Двумя нациями, между которыми нет общения и нет взаимопонимания, которые настолько неосведомлены о привычках, мыслях и чувствах друг друга, словно они живут в разных концах земли или на разных планетах; которые по-разному воспитываются, по-разному питаются, у которых разные обычаи и которые подчиняются разным законам.

— Вы имеете в виду... — нерешительно произнес Эгрмонт.

— Богатых и бедных.

(Перевод с английского Р. Бобровой)

Признавая необходимость перемен, Дизраэли выдвинул идею преодоления разрыва между «двумя нациями» и создания «одной (или единой) нации». Чуть раньше — в романе «Конингсби, или Новое поколение» (1844) — он озвучил программу «крепкого консервативного правительства», которое, конечно,

⁹ Ленин использовал эту идею «дальновидного англичанина», в частности, для объяснения причин русской революции 1905 года.

было никаким не консервативным: «люди тори, меры вигов». Консерваторы тогда смогли остаться у власти и снять социальную напряженность, выполнив все основные требования чартистов. Борьба за «единую нацию» позволила избежать серьезных социальных потрясений.

Нечто подобное, по-видимому, начинает происходить и в современной России. Представители высшей политической элиты все чаще открыто используют риторику гражданской нации, рассуждая о «национальном государстве», «национальном суверенитете», «национальной буржуазии» и «национальной бюрократии».¹⁰ В этом смысле симптоматично осознанное избрание означющего «национальный» применительно к четырем первым по-настоящему крупным социальным проектам за 15 лет существования нового государства. Однако неясно, каким будет результат такой «национализации» политической жизни и перехода к политике перераспределения, если этим будут заниматься люди, единодушно заявляющие о своей приверженности «антифашистскому» морализму.

Одно кажется очевидным: борьба за означющее «нации» продолжится, так как оно слишком важно, чтобы оставлять его только «горячим» националистам.

¹⁰ Из последних примеров см.: «Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности». Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента — помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года. <http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>.